

*Э.Л. Дубман, А.И. Натаров****АВТОХТОННОЕ СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАНСКОГО КРАЯ В ЮЖНОМ СРЕДНЕВОЛЖЬЕ В СЕРЕДИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII В.: МИГРАЦИИ И РАССЕЛЕНИЕ****

В статье рассмотрено формирование и расселение автохтонного служилого населения Казанского края на территории Южного Среднеvolжья в период начальной массовой колонизации его территории. Анализ опубликованных и архивных источников позволил уточнить специфику испомещения этих категорий служилого населения. На примере пограничного Симбирского уезда показаны особенности миграционных и демографических процессов, выделены основные этапы складывания ареала постоянного расселения в середине XVII – начале XVIII в. Сделан вывод, что различные этноконфессиональные группы ратных людей находились примерно в равном правовом положении.

Ключевые слова: колонизация, расселение, миграции, демографические процессы, засечная линия, Южное Среднеvolжье, приборные люди, дворяне, служилые татары, чуваша и мордва.

В состав Московского государства Казанское ханство и прилегающие к нему земли вошли с многочисленным автохтонным населением. Прежде всего это касается основной его территории с устойчивой сетью оседлого расселения и системой землевладения. Земли, находившиеся южнее (на Правобережье – за пределами созданной к концу XVI в. системы укреплений по линии Темников – Алатырь – Тетюши, а в Заволжье – ниже устья Камы), постоянных жителей вплоть до середины XVII в. практически не имели, за исключением локальных районов Самарской Луки и Чалнинской волости, сложившихся в первой половине XVII в. Все это пространство юго-восточной лесостепи со времен распада Золотой Орды и до середины XVII в. фигурировало в русских источниках как «Поле» [12, с. 294–295, 301, 321]. Характеристику переходной зоны от оседлого расселения к «Полю» приводит А. Курбский, шедший со своим полком на Казань летом 1552 г.: «... правее великого князя (Ивана IV. – Э.Д., А.Н.) в пяти днях конной езды от него... С великим трудом, изголодавшись... добрались мы до Суры, большой реки при устье речки Барыша (Баранчеево городище. – Э.Д., А.Н.), куда и он пришел в тот же день с главными войсками. Но прокормил Господь Бог нас и войско наше и рыбами? и другими зверьми, ведь в степных реках там много рыбы». Далее Курбский сообщает о юго-

западной окраине самого ханства с постоянным, редким, населением: «И от той реки (Суры. – Э.Д., А.Н.) шли мы с войском восемь дней степью и дубравами, кое-где и лесами, а населенных мест там очень мало... И тут уж нам добыли и навезли, отъезжая в стороны и скупая, хлеб и скот, хотя и по высокой цене, но мы, измученные голодом, были и этому рады» [24, с. 33].

В середине XVII в. в Предволжье «старая» система укреплений по линии Темников – Алатырь – Тетюши уступила свою функцию основного оборонительного рубежа Симбирской, Карсунской, Саранской и другим засечным чертам. Это позволило заселить значительный район юго-восточной лесостепи глубиной в 100 и более км. В конце 1670 – середине 1680-х гг. на его восточном фланге, под защитой Пензенской и отдельных укреплений, так и не построенной Сызранской линий, ареал расселения достиг широты Пензы и Сызрани. К рубежу XVII–XVIII в. пространство земледельческой колонизации сдвинулось еще далее к югу.

Важной особенностью колонизации всего этого пространства явилось этническое и конфессиональное разнообразие миграционных потоков. В начальных гарнизонах Симбирской и Карсунской черт в основном преобладали русские служилые люди и представители коренного населения Казанского края [41, с. 164–165]. Про-

* © Дубман Э.Л., Натаров А.И., 2017

Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Натаров Артур Игоревич (arturnatarov@gmail.com), главный специалист, ГБУСО «СОГАСПИ», 443096, Российская Федерация, г. Самара, ул. Мичурина, 13.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14003.

цесс их расселения привел к складыванию располгавшихся чересполосно и относительно замкнутых сообществ на уровне отдельных селений или их локальных групп. При освоении «Поля» разные этнические составляющие потока переселенцев оказывались в целом в равных правовых, экономических и социокультурных условиях. Можно согласиться с Б.Э. Нольде, писавшим, что статус «инородческих окраин» в составе России в основном не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами [25, с. 115; 7, с. 223; 9, с. 77–80].

Для всех участников миграционных процессов, ставших первыми постоянными жителями новых земель, заложивших основы их хозяйственного, социального и этнокультурного развития, в равной степени происходило «обретение родины» [5, с. 7–10, 355–358].

Возникает вопрос: как участвовали служилые представители коренного населения Казанского края в освоении бывшего «Поля», насколько равноправными членами этого процесса они оказались, как происходило их «возвращение» на знакомые со времен Золотой Орды земли? Использование термина «инородец» для обозначения этой группы переселенцев мы считаем некорректным в силу совокупности исторических (он практически не использовался для обозначения определенных групп населения страны до XVIII в.) [22, с. 117–120; 37, с. 242] и этических причин [38]. Очевидно, что данные народы для рассматриваемых территорий в XVI–XVII вв. не являлись коренным населением. Но условно мы будем использовать термин «автохтоны» с ограничениями, указанными выше.

В данной статье предполагается рассмотреть только миграционные и демографические составляющие процесса колонизации. Для конкретного изучения выбрана территория, условно определяемая как «Южное Средневожье» [16, с. 46–62]. В рамках районирования второй половины XVII – начала XVIII в. – это Симбирский уезд и отчасти граничащие с ним территории Саранского, Самарского и закамских земель Казанского уездов. Отметим, что границы уездов в период их начального формирования менялись. Так, в середине 1660-х гг. в состав Симбирского уезда в Предволжье вошли располагавшиеся севернее районы с чувашскими селениями [12, с. 317]; в Заволжье были присоединены западные пригороды Закамской черты – Белый Яр и Ерыклинск с округой. Первое время заселяемые земли по Карсунской черте относились к Саранскому уезду, затем их перевели в Симбирский. В пространстве постоянно расширяющегося Симбирского уезда в 1680-х – 1690-х гг. вокруг Карсуна и Сызрани сложились автономные территории, фигурировавшие в источниках как особые «внутренние» уезды [15, с. 72–77].

Все эти земли были уже в определенной степени освоены в ходе промысловой деятельности «наездом» коренных народов Казанского края и русских промышленников на Волге; формирования временных поселений и станов; постоянных разъездов сторожей и станиц пограничной службы в Предволжье; сезонных кочевий степняков. О том, что мордва и чуваша хорошо знали и использовали природные ресурсы региона еще в конце XVI в., свидетельствует интенсивное заселение ими Самарского уезда в первой половине – середине XVII в. [14, с. 17–19].

Эти процессы достаточно полно изучены, и мы не будем специально на них останавливаться [6; 10, с. 349–361; 8, с. 113, 120, 370; 12, с. 313, 321–322; 33, с. 254–255; 19, с. 266–267]. Укажем лишь, что в ходе массовых миграций второй половины XVII в. при расселении и распределении земель местным властям приходилось постоянно учитывать исторически сложившиеся права на владение такими угодьями. В конце XVI–XVII вв. складывается особое законодательство, регулировавшее данные процессы [26, с. 61; 31, с. 215–223]. При этом конфликты по поводу распределения таких угодий в Южном Средневожье возникали довольно редко.

Выявленная совокупность источников со сведениями о составе, численности и расселении новых жителей региона крайне скудна. Делопроизводство приказа Казанского Дворца и местных съезжих изб сохранилось лишь фрагментарно. Историки, работавшие с общероссийскими сметами и росписями вооруженных сил 1651, 1661–1663 и других годов, отмечают в них погрешности, нарастающие при изучении локальных территорий. При их использовании необходима постоянная сверка приведенных данных со сведениями сохранившихся строельных, переписных, писцовых и других книг; совокупностью актовых материалов и т. д.

Начальный этап формирования военизированного населения региона отражают сметный список военных сил России 1651 г. и строельные книги Симбирска и черты середины XVII в. В сметном списке представители автохтонного населения указаны только по Карсунской черте. Их численность составляла 1225 чел. (новокрещены – 188 чел., мурзы и татары – 1037 чел.) или более 2/3 всех служилых людей, расселенных по линии [39, с. 30–31]. Из них были сформированы гарнизоны всех пригородов и острогов черты, кроме Карсуна. Станным кажется полное отсутствие указаний на служилых чуваш и мордву, но, возможно, под термином «мурзы и татары» подразумевались представители и других коренных народов Казанского края. Наиболее «военизированной» оказалась Карсунская черта, возможно, потому, что в ее гарнизонах большинство составили автохтоны.

Итоговые данные сметы ратных людей 1651 г. существенно расходятся с более достоверными на наш взгляд сведениями строельных книг. Очевидно, что именно строельные книги наиболее полно отражают начальный этап создания засечных черт и их гарнизонов. Публикация по Симбирску и его черте, подготовленная П.Л. Мартыновым, включает фрагменты двух строельных книг [27]. В первой, составленной при воеводе И.Б. Камынине в 1648/1649–1649/1650 гг. (далее для удобства мы будем ее называть по основным годам составления – 1649–1650 гг.), содержатся наиболее полные и систематические сведения о расселении и испомещении ратных людей. Кроме русских служилых людей пахотные земли и угодья были выделены примерно 450 «новозаписным» служилым татарам (данные приблизительны, так как часть переведенных пришлось высчитывать по количеству выделенных им земель) и 70 переведенцам из служилой мордвы (из низ 50 «новозаписных»). Судя по строельной книге, селения служилых татар и мордвы в основном находились в отдалении от черты, в северной части складывающегося Симбирского уезда [27, с. 71–77].

Чем обусловлено то, что всех их не указали в смете 1651 г., сказать трудно. И так, смета и строельная книга 1649–50 гг. свидетельствуют, что первыми служилыми автохтонами на Карсунской и Симбирской чертах были татары, мурзы и отчасти новокрещены и мордва.

По сохранившимся актовым и другим материалам, в составе гарнизонов служилые автохтоны составляли весьма значительный контингент. Их переводили из уездов Нижегородско-Казанского края – Курмышского, Арзамасского, Казанского, Свияжского, Чебоксарского, Алатырского и других [28, с. 17–21; 27]. Сохранился указ курмышскому воеводе о переписи «...курмышских неверстанных мурз и татар» и о «...взятии их на службу... на вечное житье... в Корсунь и во все города и остроги, которые устроены подле Корсунской засеки» [18, с. 22]. В составленные по указу в 1648 г. переписные книги С. Анненкова попало: «...курмышских татар детей их и братья и племянников и захребетников – 368 человек, бобылей – 27 человек, захребетников 25 человек, третчиков и половинщиков – 15 человек, всего 435 человек». Особый интерес представляют условия перевода этих людей на новые места. Для несения службы новоприборные служилые люди получили пищали, по 6 рублей и пахотные наделы размером 15–20 четей. Особо указывалось, что дворовые места, огороды, пашни, сенные покосы должны быть вблизи засечных крепостей, а размер пашенных угодий определяться «смотря по людям, кому сколько мочно пахать». За переведенными сохранялись их старые угодья в Курмышском уезде. Власти обещали, что «дальних посылок им никуда не будет». Добавим, что, помимо службы на засеках, предлагалась альтер-

натива в виде полковой службы вместе с курмышскими татарами. Тех, кто отказался от добровольной явки на службу в Карсун, присылали с «рассыльщиками» [18, с. 22–25].

Переводили на черту и из других уездов. Так «как (был. – Э.Д., А.Н.) построен город Корсун и Корсунская черта», туда из Алатырского уезда послали «станишных» мурз «для приходу вестей от воинских людей». 10 из них были впоследствии в дозорщиках [33, с. 77]. Судя по данным «Выписи из отдельных книг сотника алаторских выезжих казаков», в 1647 году в Карсун отправили тридцать конных татар [36, с. 69]. Материалы писцовой книги 1685–86 гг. свидетельствуют, что по строельной книге 1649–1650 гг. пахотными и сенокосными угодьями от р. Барыша по р. Ольховке в д. Мордовская Ардаева (также Кивать) была верстана мордва, несшая станичную службу (18 чел. по 20 четв.) [34, с. 25, 191–192]. Поток переведенцев не иссякал и в последующие годы. Например, в 1652 г. служилым конным татарам М. Карсуна выделили дополнительные земли на 50 чел. к «...прежней отдельной их земле», где они построились слободой [33, с. 205–206].

Позднее, в 1655 г., из Алатырского уезда станичных мурз поселили под Карсуном «для вестей от приходу воинских людей» [23, с. 16].

Ряд случаев переводов, в том числе и на Симбирскую черту, приводит Г.И. Перетяткович. Например, татары отдельных деревень Свияжского уезда были переселены «...в государеву конную службу по городу Симбирску в слободу Елховку на вечное житье» [33, с. 77]. Одним из таковых, был житель д. Табар Чиркиной Б. Колчурин. Поступив на службу в 1649 г., он просил разрешить ему перевезти на новое место жительства семью, имущество и скот. Для этого требовался царский указ, чтобы от «Свияжского воеводы, и от сыщика и от приставов, и от околных деревенских людей ни в чем привязки и продажи не было...», каковой и был выдан 7 сентября [28, с. 50–51].

Для охраны района работ при строительстве линий использовались, посылаемые на короткие сроки, отряды из гарнизонов соседних городов или «подымовые» люди, в том числе из автохтонного населения. Последние, по крайней мере при создании Карсунской черты, составляли значительную часть военных сил: «...для береженья от татарских приходов... с Курмышского, с Алатырского, с Ядринского уездов подымовным же людям с десяти дворов по человеку (На строительство черты брали вдвое больше людей – с 5 дворов по человеку) с пищальми, и с луки, и с рогатины, и с бердыши переменяясь помесечно или в сколько недель переменить доверитца, покаместа в Карсуну и по Карсунской засеке в городех и в острогах новоприборные служилые люди в нашу службу посядутся, кем бы мочно было Карсунскую засе-

ку от татарских приходов уберечь» [18, с. 17–20]. Далеко не всегда удается разделить ратных людей, присылаемых на короткий срок и для постоянного расселения. Сложно судить и о национальном составе переселенцев. Для властей их этническое происхождение практически не имело значения по сравнению с принадлежностью к служилым или тяглым сословиям или определенной конфессии.

Помимо этноконфессиональной составляющей, характерным признаком формирования служилого населения региона является большое количество вновь записанных в службу из самых разных категорий переселенцев – приборных, крестьян, коренных жителей Казанского края и т. д. [30, с. 200–204]

Смета военных сил России 1661–1663 гг. в основном дает обобщающие данные по отдельным гарнизонам, не выделяя численность отдельных этноконфессиональных групп. В отличие от сметы 1651 г. по Симбирской и Саранской чертам, в ней показаны достаточно крупные группы служилых татар и мордвы. В гарнизонах Симбирска и черты, составлявших 3353 чел., насчитывалось 444 служилых татар, чувашей и мордвы, а по Саранску и черте из 3472 чел. служилых татар и мордвы было 597.

По Карсуну и Карсунской линии (2091 казаков, стрельцов; татар, чуваш и мордвы, а также пушкарей) произошли по сравнению с 1651 г. значительные изменения в составе гарнизонов. Так, в Сурском, Сокольском и М. Корсунове татар и мурз полностью заменили стрельцы и казаки. В Тальском не указаны татары, а к мурзам добавились мордва, казаки и стрельцы. В Аргаше произошло то же самое, только вместо мурз отмечены татары. И наконец, в Карсуне, помимо «русских стрельцов и казаков» (и очевидно, пушкарей), показаны станичные мурзы и мордва. При этом в общих итогах по Карсуну и черте указано 184 мурз, татар и мордвы (что совпадает с данными по отдельным гарнизонам) и, кроме того, «казаков же татар и мордвы» 270 чел. [40, с. 50–52; 11, с. 30]. Возможно, среди высланных с черты на службу на Дон и Царицын, были также представители автохтонов, скорее всего, из «новокрещенов», записанные в казаки. Разумеется, эти данные следовало бы проверить и по другим источникам, но их, к сожалению, не выявлено. Важно то, что по Карсунской черте служилые автохтоны составили явное меньшинство, в отличие от показателей 1651 г. По всем трем указанным засечным чертам их доля в общей численности служилых людей оказывается примерно сопоставимой и сравнительно небольшой.

Материалы составленной позднее прихода-расходной книги Симбирска и уезда 1665–1667 гг. позволяют уточнить процесс складывания военнизированного автохтонного населения в меж-

дуречье Волги и Барыша. Указаны только «татары и мурзы», основавшие 12 селений (308 дворов – в среднем по 25,7 на одно селение). О количестве деревень служилых мордвы и чувашей данных нет [17, с. 85]. Неясно, имели ли отношение эти переселенцы к данному региону ранее, до начала его массового освоения.

Часть бывших ясачных деревень в середине – второй половине XVII в. уже принадлежала служилым людям. Возможно, местные власти поменяли статус их жителей, может быть, прежние немногочисленные поселенцы были выселены и заменены на вновь переведенных. Кстати, бывали и обратные случаи. Например, при воеводе И.Б. Камынине 50 новозаписных служилых татар – Я. Атабаев «с товарищи», получив 3080 четв. пахотной земли, основали деревню Старые Маклауши [27, с. 76]. Однако менее чем через двадцать лет в этой деревне уже проживала ясачная мордва (1 целый двор, 5 дворов без четверти и 10 полудворов) [17, с. 96].

Данных о расселении в междуречье Волги и Барыша Симбирского уезда служилых автохтонов во второй половине 1660 – начале 1680-х гг. сохранилось крайне мало. По переписной книге уезда 1678 г. лишь одно из 90 помещичьих селений, там располагавшихся, принадлежало мордовскому мурзе [32, с. 5, 115]. Очевидно, раздел переписных книг по ясачным и другим селениям не сохранился или не выявлен.

Иным представляется состав и численность жителей, их расселение в западной, прилегающей к Карсунской черте (между реками Барыш и Сура) части Симбирского уезда по данным писцовой книги 1685–86 гг. [34, с. 32–445] Ее составители описали только восточную часть этой территории. Здесь помимо поселений русского военнизированного населения имелся ряд деревень служилых татар, чувашей и мордвы, а также ясачных крестьян. Из 14 селений, принадлежащих служилым людям, преобладали мордовские (10). Немного было селений чувашей (2), татар (1) и новокрещен (1). В них соответственно числилось 212, 13, 65 и 5 служилых людей. Только о 3 (возможно, 4) деревнях служилой мордвы можно определенно говорить, что они возникли в начальные годы строительства черты [34, с. 160, 192, 231].

Вслед за строительством Пензенской линии в 1680-х гг., понадобилось защитить междуречье Волги и Суры по Сызранке, Канадею, их притокам и другим рекам [29, с. 133–140]. В 1683 г. после основания Сызрани началась колонизация Сызранского Правобережья. Закрывать от нападений кочевников волго-сурское междуречье силами только русских стрельцов, казаков и солдат было невозможно. Государство расселяло здесь татар, чувашей и мордву, исполнявших сторожевую станичную службу. Далеко не всегда известно, когда и каким образом их ис-

помещали. Например, в 1684 г., когда при впадении р. Тишерека в Усу отводили землю солдатам выборного полка Ф. Галке «с товарищи» (будущее с. Усинское), часть своих «поместных» земель им отдали служилые татары и чувашаи из расположенной неподалеку на р. Усе д. Ногайский Брод. Свидетелями этого межевания были служилые татары и чувашаи д. Теренгул, Алшеево, Тукшум, Янтуганов Тукшум [4. Ф. 97. Оп. 1. Д. 249. Л. 90–91; Д. 534 Л. 504 об.], которые находились севернее, по Правобережью, по притокам Усы (Теренгульке, Тукшуму) и Волги. Здесь в 1680–1690 гг. существовал целый куст селений, основанных служилыми татарами и чувашами [3. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11569. Л. 1]. Например, д. Тукшум основали служилые мурзы, татары и чувашаи [3. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11570. Л. 4].

Были случаи, когда селение основывали представители разных этносов и социальных групп. Так, в 1685/86 г. в верховьях р. Сызранки по челобитью служилого чувашина Ч. Якшитова «с товарищи» (9 чел.) и 5 ясачных крестьян возникла д. Сайман. Рядом «особо» в д. Ахметлей поселились вышедшие из разных уездов служилые татары (27 чел.) [4. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627].

При таком расселении могли происходить не совсем объяснимые изменения в статусе жителей селений. Например, по данным начала XVIII в. в деревнях Байдеряково и Малячкино жили ясачные чувашаи [3. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 6 об., 58 об.; Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 229 об.]. Однако позднее, в конце века, жители селений утверждали, что их предки (д. Байдеряково) вышли из сенгилеевских казаков, а жители д. Малячкино появились здесь вскоре после взятия Казани [2. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 209–210]. В пользу начальной служилой принадлежности жителей д. Малячкина (Казынбаевки) свидетельствуют данные и более раннего времени (конца XVII в.) [4. Ф. 97. Оп. 1. Д. 620]. Возможно, такие случаи являлись следствием переселений, по которым не сохранилось источников. Подобные явления характерны и для старой, давно заселенной территории Симбирского уезда.

В восточной части волго-сурского междуречья деревни служилых татар, мордвы и чувашей по Усе, Тишереку, другим рекам, скорее всего, появились ранее строительства Сызрани. Они возникали по берегу Волги под защитой городка Надеинского Усоля и укреплений Арбугинской волости.

Наиболее уязвимым для прорыва кочевников являлся водораздел Волги и Суры, между верховьями Сызранки, Канадея и речек, впадающих в Суру с востока. Возможно, он заселялся служилыми татарами, мордвой и чувашами целенаправленно, во время обследования маршрута сооружения Сызранской черты симбирским

воеводой М.А. Головиным [1. Ф. 732. Оп. 3. Д. 314]. Об этом свидетельствует единовременное появление всех указанных селений (Сайман, Евлеево, Ахметлей, Бекшанка «Салтанова тож», Торуюевские Вершины и, возможно, других) в 1685/86 г. Так, выпись с отводных книг М.А. Головина на землю получили служилые чувашаи «Чинайка Ешкитов с товарищи» 20 чел. по притоку Сызрани р. Бекшанке (д. Бекшанка «Салтанова тож») [4. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627. Л. 43–45 об.]. Видимо, тогда же служилые татары Темникова основали д. Торуюевские Вершины у истока притока Суры р. Евлей (Уразлей) [35, с. 184].

Итак, к середине 1680-х гг., как раз ко времени принятия решения о строительстве Сызрани и Сызранской линии, возникает система поселений служилых татар, чувашей и мордвы: д. Торуюевские Вершины, Чувашская Бекшанка, Еделево, Сайман, Ахметлей в верховьях р. Сызрани, в западном районе предполагаемой черты; Ногайский Брод (Уса), Малячкино (Казанбаевки) и, видимо, ряд других – в восточной части. Традиционно эти селения прижимались к кромке леса, возникали на лесных полянах. Право селиться и землю для поселения симбирские власти давали, как правило, по челобитьям. Поселенцы несли сторожевую службу, с русскими казаками и солдатами защищали пространство между Сурой и Волгой.

Дальнейшее продвижение на юг получило развитие в конце 1690-х – начале 1700-х гг., когда южнее Сызрани, в верховьях Терешки и ее притоков, возникли селения в основном служилых татар (д. Терешевские Вершины, Татарская Кулатка и др.). Рядом с ними появились селения ясачных чувашей и других народов [3. Ф. 26. Оп. 1. Д. 20. Л. 90–90об.].

Выявить особенности расселения к началу XVIII в. в пространстве Симбирского уезда позволяют материалы переписи «оброчных статей» 1704 г., отражающие сложившуюся сеть поселений, ее границы и плотность; этноконфессиональный, служилый и тяглый состав жителей [3. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 1–361; 13, с. 33–40]. По данным переписи (не совсем полным), территория уезда на севере доходила примерно до линии Алатырь – Буинск – Тетюши. На западе границей была Сура; на юге – Сызранка с притоками, хотя сельское расселение ушло южнее. Восточной границей была Волга, за исключением пригородов Белый Яр и Ерыклинск (с округой) Закамской черты.

Всего переписчики учли 311 поселений, из них 211 (67,9 %) были населены русскими крестьянами и служилыми людьми, 100 (32,1 %) – автохтонным служилым и ясачным населением Казанского края (служилых – 38 и ясачных – 62). Такое соотношение по этноконфессиональному признаку было примерно одинаковым как

для северной, так и для южной частей уезда. Большинство ясачных деревень размещалось на севере (40 против 17 «за валом»). Значительная часть селений служилых людей принадлежала автохтонам (38). По их количеству лидировала южная часть уезда (26 против 12). К началу XVIII в. ареал военизированного расселения смещается к югу. Преобладали деревни – всего 174 (58,2 %), из них с русским населением – 46 %.

Подведем некоторые итоги. Результаты данной работы в значительной степени были обусловлены состоянием источниковой базы. Прежде всего, это относится к данным общероссийских и региональных смет ратных людей. И все же, основываясь на всей совокупности выявленных источников, можно сделать вывод о важнейшей роли, которую сыграло служилое автохтонное население Казанского края в освоении «Поля» Южного Средневолжья. Очевидно, что предложенное в качестве гипотезы положение об «обретении родины» для всех участников колонизационного процесса соответствует реальным процессам, происходившим на территории региона. В самом общем виде можно согласиться с В. Кивельсон в том, что процессы колонизации в Московском государстве, в отличие от особенностей складывания других империй, несли: «...отпечаток русского подхода к «человеческой географии», для которого ни искоренение, ни обращение не были характерны» [21, с. 284]. Коренные жители недавно завоеванного Казанского ханства (массовые восстания закончились только к середине 1580-х гг.) наравне с русскими приняли активное участие в освоении новых территорий, выступили как фактически равноправный актор этого процесса.

На рубеже XVII–XVIII вв. произошли серьезные изменения в условиях освоения Южного Средневолжья, миграционных процессах и формировании сети расселения. Они были обусловлены сменой геополитической ситуации на Юго-Востоке: завоеванием Азова, деятельностью государства в волго-донском междуречье и основанием там новых городов. Но при этом военная составляющая продолжала играть важную роль в развитии региона. Так, по данным сметы 1704 г., на территории Симбирского уезда насчитывалось 6236 служилых людей, из них 1993 или почти треть (32 %) татар, мордвы и чувашей [3. Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431–437]. Особенно отчетливо военный характер расселения проявлялся на южных границах региона. И все же, по мнению С.Б. Синюткина, упоминаний о военной службе и массовых переводах татар становится меньше. Последний такой случай относится к 1708 г., когда 555 татар 28 деревень Алатырского уезда были посланы на постоянную службу под Симбирск [36, с. 192].

Напрашивается вывод, что Южное Средневолжье утрачивает свою роль фронта, насы-

щенного преимущественно военизированным населением. Интенсивная военная колонизация его территории завершается. К рубежу XVII–XVIII вв. здесь в целом сложилась разветвленная система сельского и городского расселения [33, с. 245–246; 6, с. 60]. Регион постепенно превращается во «внутреннюю окраину» России. Можно согласиться с выводом А. Каппелера о том, что: «Военный фронт на юге [и европейском юго-востоке. – Э.Д., А.Н.] России постепенно эволюционирует в поселенческий (settlement frontier), имперская «варварская граница» – в освоенную границу (Erschließungsgrenze), и начинается заселение восточнославянскими крестьянами [и автохтонным населением Казанского края. – Э.Д., А.Н.] плодородного степного черноземья» [20, с. 228].

Очевидны своеобразие, уникальные особенности формирования населения и системы постоянного расселения пограничного региона в период его интенсивной колонизации. Но, также ясно, что демографические и миграционные процессы, протекавшие в пространстве Южного Средневолжья, в целом вписывались в общую картину освоения лесостепного юга и юго-востока европейской части страны и соответствовали общим тенденциям включения новых регионов в единое пространство будущей Российской империи.

Библиографический список

1. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 19026.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 9. Отд. 2. Д. 3.
4. Сызранский филиал ГУСО «ЦГАСО». Ф. 97. Оп. 1. Д. 249.
5. «Обретение родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1: Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013.
6. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014.
7. Беляков В.А. Рецензия на книгу: Ногманов А. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань // Вестник Евразии. 2006. № 2.
8. Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1980.
9. Галлям Р.Г., Кадыров Р. В. Служилые татары как социальная категория населения Русского го-

- сударства XVI–XVII вв. // Вестник ТГГПУ. 2011. № 2 (24).
10. Гераклитов А.А. Алатырская мордва по переписям 1624–1721 гг. // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1.
11. Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989.
12. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары, 1986.
13. Дубман Э.Л. Система расселения на территории Симбирского уезда к началу XVIII в. // Вестник СамГУ. 2014. № 1 (112).
14. Дубман Э.Л., Зудина В.Н. Возникновение локальных районов сельского расселения на Юго-Востоке Европейской России в первой половине XVII в. // Самарский земский сборник. 2015. № 1 (25).
15. Дубман Э.Л. «Карсунский уезд» во второй половине XVII – начале XVIII века: население и особенности его расселения // Российская деревня в XVIII–XXI веках: социокультурное измерение: сб. статей. Оренбург, 2014.
16. Дубман Э.Л. Районирование и особенности освоения Юго-Востока Европейской России в конце XVI – начале XVIII века // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2016. № 22.
17. Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1897.
18. Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. Симбирск, 1900.
19. Исхаков Д.М. Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
20. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский [и др.]. М., 2017.
21. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.
22. Конев А.Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13.
23. Красовский В.Э. Хронологический перечень событий Симбирской губернии. 1372–1901. Симбирск, 1901.
24. Курбский Андрей. История о делах великого князя Московского. М., 2015.
25. Кучумов И.В., Сахибгареева Л. Ф. Исследователь истории Российской империи Б.Э. Нольде // Вопросы истории. 2014. № 10.
26. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980.
27. Мартынов П. Строельная книга города Симбирска 161–162 гг. (1653–1654 г.). Симбирск, 1897.
28. Мельников С. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и др. соседственных губерний, собранные С. Мельниковым. Казань, 1859.
29. Мясников Г.В. Город – крепость Пенза. Саратов, 1984.
30. Натаров А.И. Ротация служилых людей в середине XVII века (на примере стрельцов, казаков и служилых инородцев крепостей Симбирск и Карсун) // Вестник СамГУ. 2011. № 1/1(82).
31. Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013.
32. Описание городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902.
33. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
34. Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685–1686 гг.: публ. текста / сост. Ю.Н. Мельников. Ульяновск, 2014.
35. Полуобяров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 2010.
36. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород, 2001.
37. Словарь русского языка. XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979.
38. Слокум Д.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: Работы последних лет. Антология / ред. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.
39. Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М., 1989.
40. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 3.
41. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Количество и движение населения. Киев, 1919.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'ianovskoi oblasti (GAUO)* [State Archive of the Ulyanovsk Region]. F. 732. Op. 3. D. 314 [in Russian].
2. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive]. F. VUA. D. 19026 [in Russian].
3. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts] F. 9. Otd. 2. D. 3 [in Russian].
4. *Syzranskii filial GUSO «TsGASO»* [Syzran branch of GUSO «TsGASO»] F. 97. Op. 1. D. 249 [in Russian].
5. «*Obretenie rodiny*»: *Obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.)*. Ch. 1: *Ocherki istorii*. Pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, O.B. Leont'evoi [«Acquisition of the Motherland»: Society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI–beginning of the

- XX century). Part 1: Essays of history. P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontieva (Eds.)). Samara, 2013.
6. «Obretenie rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraia polovina XVI – nachalo XX v.)*. Ch. 2. *Zaselenie regiona i etnodemograficheskaiia situatsiia: monografiia / pod red. P.S. Kabytova, E.L. Dubmana, O.B. Leont'evoi* [«Acquisition of the Motherland»: Society and power in the Middle Volga Region (second half of the XVI–beginning of the XX century). Part 2: Settlement of the region and ethnodemographic situation: monograph. P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontieva (Eds.)]]. Samara, 2014 [in Russian].
7. Beljakov V.A. *Retsenziia na knigu: Nogmanov A. Tatory Srednego Povolzh'ia i Priural'ia v rossiiskom zakonodatel'stve vtoroi poloviny XVI–XVIII vv. Kazan'* [Book review: Nogman A. Tatars of the Middle Volga and Urals in the Russian legislation of the second half of the 16th–18th centuries. Kazan]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2006, no. 2 [in Russian].
8. Bilenko M.V. *Dvortsovaia mordva Alatyrskogo uezda v XVII veke (po pistsovyim i perepisnym knigam): diss. ... kand. ist. nauk* [Court Mordva of the Alatyrsky district in the XVII century (on scribal and census books): Candidate's of Historical Sciences thesis]. Saransk, 1980 [in Russian].
9. Galljam R.G., Kadyrov R.V. *Sluzhilye tatory kak sotsial'naia kategoriia naseleniia Russkogo gosudarstva XVI–XVII vv.* [Service Tatars as a social category of population of the Russian state of the XVI–XVII centuries]. *Vestnik TGGPU* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2011, no. 2(24) [in Russian].
10. Geraklitov A.A. *Alatyrskaia mordva po perepisiam 1624–1721 gg.* [Alatyrskaya Mordva by the censuses of 1624–1721]. In: Geraklitov A.A. *Izbrannoe: v 2 ch.* [Selectas: in 2 parts]. Saransk, 2011, Part 1 [in Russian].
11. *Dvorianstvo Rossii i ego krepostnye krest'iane. XVII – pervaiia polovina XVIII v.* [The nobility of Russia and its serfs. XVII - first half of the XVIII century]. M., 1989 [in Russian].
12. Dimitriev V.D. *Chuvashiia v epokhu feodalizma (XVI – nachalo XIX v.)* [Chuvashia in the era of feudalism (XVI – early XIX century)]. Cheboksary, 1986.
13. Dubman E.L. *Sistema rasseleniia na territorii Simbirskogo uezda k nachalu XVIII v.* [System of settlement on the territory of Simbirsk Uyezd by the beginning of the XVIII century]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 1(112) [in Russian].
14. Dubman E.L., Zudina V.N. *Vozniknovenie lokal'nykh raionov sel'skogo rasseleniia na Iugo-Vostoke Evropeiskoi Rossii v pervoi polovine XVII v.* [The emergence of local areas of rural settlement in the South-East of European Russia in the first half of the XVII century]. *Samarskii zemskii sbornik*, 2015, no. 1(25) [in Russian].
15. Dubman E.L. «Karsunskii uezd» vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII veka: naselenie i osobennosti ego rasseleniia [“Karsunsky uyezd” in the second half of the XVII – beginning of the XVIII century: population and the peculiarities of its resettlement]. In: *Rossiiskaia derevnia v XVIII–XXI vekakh: sotsiokul'turnoe izmerenie: sb. statei* [Russian village in the XVIII–XXI centuries: socio-cultural dimension: collection of articles]. Orenburg, 2014 [in Russian].
16. Dubman E.L. *Raionirovanie i osobennosti osvoeniia Iugo-Vostoka Evropeiskoi Rossii v kontse XVI – nachale XVIII veka* [Zoning and peculiarities of development of the South-East of European Russia in the late 16th – early 18th century]. In: *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii* [North-West in the Agrarian History of Russia]. Kaliningrad, 2016, no. 22 [in Russian].
17. Zertsalov A.N. *Materialy dlia istorii Simbirskai ego uezda (Prikhodo-raskhodnaia kniga Simbirskoi prikaznoi izby 1665-1667 gg.)* [Materials for the history of Simbirsk and its district (account book of the Simbirsk custom hut of 1665–1667)]. Simbirsk, 1897 [in Russian].
18. Zertsalov A.N. *Materialy po istorii Simbirskogo kraia XVII-go i XVIII-go vv.* [Materials on the history of the Simbirsk region in the 17th and 18th centuries]. Simbirsk, 1900 [in Russian].
19. Ishakov D.M. *Dinamika chislennosti i osobennosti razmeshcheniia tatar v Volgo-Ural'skom regione v XVI – nachale XX vv.* [Dynamics of number and peculiarities of location of Tatars in the Volga-Ural region in the 16th - early 20th centuries]. In: *Materialy po istorii tatarskogo naroda* [Materials on the history of the Tatar people]. Kazan, 1995 [in Russian].
20. Kappeler A. *Iuzhnyi i vostochnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vekakh* [The southern and eastern frontier of Russia in the 16th–18th centuries]. In: *Musul'mane v novoi imperskoi istorii: Sb. statei. Otv. red. i sost. V.O. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovskii, M. Mogil'ner, A. Semenov* [Muslims in the new imperial history: collection of articles. Responsible editors and compliers I.N. Bobrovnikov, I. Gerasimov, S. Glebov, A. Kaplunovsky, M. Mogilner, A. Semenov]. M., 2017 [in Russian].
21. Kivel'son V. *Kartografii tsarstva: Zemlia i ee znacheniiia v Rossii XVII veka* [Cartography of the kingdom: Earth and its meanings in Russia in the 17th century]. M., 2012 [in Russian].
22. Konev A.Ju. «Inorodtsy» Rossiiskoi imperii: k istorii vozniknoveniia poniatiiia [“Non-Russians” of the Russian Empire: to the history of the origin of the concept]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development], 2014, no. 13 [in Russian].
23. Krasovsky V.E. *Khronologicheskii perechen' sobytii Simbirskoi gubernii. 1372-1901* [Chronological list of events in Simbirsk province. 1372–1901]. Simbirsk, 1901 [in Russian].
24. Kurbsky Andrey. *Istoriia o delakh velikogo kniazia Moskovskogo* [The history of the affairs of the Grand Duke of Moscow]. M., 2015 [in Russian].
25. Kuchumov I.V., Sahibgareeva L.F. *Issledovatel' istorii Rossiiskoi imperii B.E. Nol'de* [The researcher

- of the history of the Russian Empire B.E. Nolde]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2014, no. 10 [in Russian].
26. Man'kov A.G. *Ulozhenie 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii* [The Code of 1649 – the code of feudal law of Russia]. L., 1980 [in Russian].
27. Martynov P. *Stroel'naia kniga goroda Simbirsk 161 – 162 gg. (1653–1654 g.)* [Building book of the city of Simbirsk of 161–162 years. (1653-1654)]. Simbirsk, 1897 [in Russian].
28. Melnikov S. *Akty istoricheskie i iuridicheskie i drevnie tsarskie gramoty Kazanskoi i dr. sosedstvennykh gubernii, sobrannye S. Mel'nikovym* [Acts of historical and legal and ancient royal letters of Kazan and other neighboring provinces collected by S. Melnikov]. Kazan, 1859 [in Russian].
29. Myasnikov G.V. *Gorod – krepost' Penza* [Fortress city of Penza]. Saratov, 1984 [in Russian].
30. Natarov A.I. *Rotatsiia sluzhilykh liudei v seredine XVII veka (na primere strel'tsov, kazakov i sluzhilykh inorodtsev krepostei Simbirsk i Karsun)* [Rotation of servicemen in the middle of the XVII century (on the example of the streltsi, the Cossacks and servicemen of foreigners of Simbirsk and Karsun fortresses)]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University], 2011, no. 1/1 (82) [in Russian].
31. Nolde B.E. *Istoriia formirovaniia Rossiiskoi imperii* [History of formation of the Russian Empire]. SPb., 2013 [in Russian].
32. *Opis' gorodu Sinbirsku i ego uezdu v 1678 godu (Perepisnye knigi Prikaza Kazanskogo Dvortsa)* [Inventory of the city of Simbirsk and its uyezd in 1678 (Census books of the Order of the Kazan Palace)]. Simbirsk, 1902 [in Russian].
33. Peretyatkovich G.I. *Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka (oчерki iz istorii kolonizatsii kraia)* [The Volga region in the XVII and the beginning of the XVIII century (essays from the history of the colonization of the region)]. Odessa, 1882 [in Russian].
34. *Pistsovaia kniga Karsunskogo i Simbirskogo uezdov 1685-1686 gg.: publ. teksta. Sost. Iu.N. Mel'nikov* [The scribal book of the Karsun and Simbirsk districts in 1685–1686: publication of the text. Compiler Yu.N. Melnikov]. Ulyanovsk, 2014 [in Russian].
35. Poluboyarov M.S. *Drevnosti Penzenskogo kraia v zerkale toponimiki. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe* [Antiquities of the Penza region in the toponymy mirror. Second edition, revised and enlarged]. M., 2010 [in Russian].
36. Senyutkin S.B. *Istoriia tatar Nizhegorodskogo Povolzh'ia s poslednei treti XVI do nachala XX vv. (Istoricheskaia sud'ba misharei Nizhegorodskogo kraia)* [The history of the Tatars of the Nizhny Novgorod Volga Region from the last third of the 16th up to the beginning of the 20th century. (Historical fate of the Mishars of Nizhny Novgorod region)]. Nizhny Novgorod, 2001 [in Russian].
37. *Slovar' russkogo iazyka. XI–XVII vv. Vyp. 6* [Dictionary of the Russian language. XI–XVII centuries. Issue 6]. M., 1979 [in Russian].
38. Slokum D.U. *Kto i kogda byli «inorodtsami»? Evoliutsiia kategorii «chuzhie» v Rossiiskoi imperii* [Who and when were “aliens”? Evolution of the category “strangers” in the Russian Empire]. In: *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii: Raboty poslednikh let. Antologiya. Red. P. Vert, P.S. Kabytov, A.I. Miller* [The Russian Empire in Foreign Historiography: Works of Recent Years. Anthology. P. Werth, P.S. Kabytov, A.I. Miller (Eds.)]. M., 2005 [in Russian].
39. *Smetnyi spisok voennykh sil Rossii 1651 g. (Dvorianstvo Rossii i ego krepostnye krest'iane. XVII – pervaiia polovina XVIII v.)* [Estimated list of Russian military forces in 1651]. In: *Dvorianstvo Rossii i ego krepostnye krest'iane. XVII – pervaiia polovina XVIII v.* [The nobility of Russia and its serfs. XVII - first half of the XVIII century]. M., 1989 [in Russian].
40. *Smety voennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg.* [Estimates of the military forces of the Moscow State of 1661–1663]. In: *ChOIDR*, 1911, Book 3 [in Russian].
41. Smirnov P.P. *Goroda Moskovskogo gosudarstva v pervoi polovine XVII veka. T. 1. Kolichestvo i dvizhenie naseleniia* [Cities of the Moscow State in the first half of the XVII century. Vol. 1. The number and movement of the population]. Kiev, 1919 [in Russian].

*E.L. Dubman, A.I. Natarov****AUTOCHTHONOUS SERVICE POPULATION OF KAZAN REGION
IN THE SOUTHERN MIDDLE VOLGA IN THE MIDDLE OF XVII –
EARLY XVIII CENTURY: MIGRATION AND RESETTLEMENT****

The article deals with the formation and resettlement of the autochthonous serving population of the Kazan Region in the Southern Middle Volga region during the initial mass colonization of its territory. An analysis of published and archival sources made it possible to clarify the specifics of the dislocation of these categories of the serving population. On the example of the border Simbirsk district, the features of migration and demographic processes were shown, the main stages of the folding of the area of permanent settlement in the middle of the XVII - the beginning of the XVIII century were outlined. The conclusion was made that various ethnoconfessional groups of military people were approximately in an equal legal position.

Key words: colonization, resettlement, migration, demographic processes, zasechnaya line, Southern Middle Volga Region, instrument people, the nobles, military Tatars, Chuvash and Mordovian.

Статья поступила в редакцию 20/XI/2017.
The article received 20/XI/2017.

* *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Natarov Artur Igorevich (arturnatarov@gmail.com). chief specialist, Samara Regional State Archive of Social and Political History, 13, Michurina Street, Samara, 443096, Russian Federation

** The article is prepared with financial support from the Russian Foundation for the Humanities, project № 15-31-14003.